

Голова раскалывается от боли...

Чжао Шуюй очнулся от жгучей боли, прищурившись, огляделся и понял, что слабо лежит в траве.

В затылке пульсировало так, будто туда вонзили раскаленный гвоздь, в глазах двоилось, искрились цветные круги. Чжао Шуюй поднял руку и нащупал на затылке что-то липкое — пальцы донельзя перемазало полусохшей кровью.

Глядя на свои окровавленные руки, Чжао Шуюй в растерянности не понимал, что происходит.

Почему при том взрыве пострадал только его затылок?

И с чего вдруг его волосы стали такими длинными?

Чжао Шуюй уперся руками в землю, собираясь подняться. Едва он приподнял верхнюю часть туловища, как сзади прилетел булыжник.

Хлоп!

Камень угодил прямо меж лопаток пытавшемуся встать Чжао Шуюю.

Раздался глухой стук.

Только что собравшегося с силами и пожелавшего подняться Чжао Шуюя от удара летящим камнем снова вжало лицом в землю. Из горла вырвался огромный сгусток застоявшейся крови, после чего тяжесть и стеснение в груди отпустили.

Чжао Шуюй жадно глотал свежий воздух. Кто это в меня кинул?

Чу Нин, бросивший камень, прислушался и, убедившись, что звуков диких зверей больше нет, осторожно подкрался к краю зарослей и, набравшись храбрости, раздвинул ветки.

Он обнаружил, что на земле лежит мужчина.

Чу Нин испугался: неужели я человека насмерть зашиб?

Чу Нин поднялся в горы за грибами и дикими овощами и, только подойдя к этому месту, услышал шевеление в траве. Опасаясь хищников, он подобрал камень размером с ладонь и швырнул его в кусты, никак не ожидая, что попадет в человека.

Тот камень удачно помог Чжао Шуюю выплюнуть застоявшуюся кровь, но рана на затылке лишила его сил даже на то, чтобы подняться с земли.

Боясь, что он убил человека, охваченный тревогами и страхом Чу Нин робко подошел к Чжао Шуюю.

Заметив на его затылке полусохшую кровь, Чу Нин совсем растерялся. Он протянул маленькую ручку, легонько ткнул парня в спину и дрожащим, заикающимся голосом спросил:

— Т-ты... т-ты... еще живой?

У Чжао Шуюя кружилась голова. Мало-мальски придя в себя, он лежал на земле и тяжело дышал — от глубоких вдохов вздрагивала вся спина. Он чуть приподнял руку, давая понять, что еще жив.

Чу Нин с облегчением выдохнул, у него отнялись ноги, и он рухнул на землю, пытаясь унять колотившееся в бешеном темпе сердечко.

Успокоив нервы, Чу Нин поднялся и изо всех сил попытался перевернуть Чжао Шуюя на спину. Рассмотрев его лицо, Чу Нин резко переменился в лице.

Солнечные лучи отбрасывали на Чу Нина тени разной глубины. Окруженный контровым светом, Чжао Шуюй с головокружением смотрел на юношу снизу вверх, толком не различая его черт.

Чжао Шуюй видел лишь то, что стоявший перед ним юноша с распущенными до пояса волосами и в длинных старинных одеждах словно светился изнутри.

В голове царила абсолютная пустота. Не успел он толком собрать мысли в кучу, как раздался холодный голос юноши:

— Ты что, увязался за мной в горы специально, чтобы снова строить козни?

Это был вопрос, но прозвучал он с полной уверенностью.

Чжао Шуюй:.....

Видя, что тот молчит, Чу Нин подался вперед и нахмурился, в упор разглядывая его.

Только теперь Чжао Шуюй смог как следует разглядеть лицо Чу Нина: бледная кожа с желтизной, но черные, пронзительные и живые глаза. Он явственно ощущал в этом взгляде

подозрительность и холод.

Взгляд Чжао Шуюя потемнел. Этот парень только что трясся от страха и переживал за него, с чего вдруг такая резкая перемена в отношении?

И главное — Чжао Шуюй совершенно его не знал. С какой стати тот заявляет, будто он строит против него козни?

Юноше на вид было всего пятнадцать-шестнадцать лет, к тому же он ряженный. Неужели актер? Или любитель ролевых игр?

С подозрением Чжао Шуюй спросил:

— Ты кто?

Чу Нин настороженно посмотрел на Чжао Шуюя и вместо ответа бросил встречный вопрос:

— А ты опять чего удумал?

Чжао Шуюй слабо улыбнулся:

— Ничего я не задумывал. Мы вообще знакомы?

Чу Нин нахмурился:

— Ты меня не знаешь?

Чжао Шуюй кивнул и с беспокойством поинтересовался:

— Пострадавших при взрыве много? Почему до сих пор не приехала полиция на спасение?

— Какой еще взрыв? И что за полиция? — Чу Нин озадаченно посмотрел на Чжао Шуюя, не понимая, к чему тот клонит. Уж не повредился ли у него рассудок?

Вспышкой озарения Чжао Шуюй сообразил, в чем дело, и осторожно поинтересовался:

— У меня ужасно болит голова, ничего не помню. Кто я такой?

Чу Нин с опаской воззрился на Чжао Шуюя:

— Ты — Чжао Шуюй, ученый-стипендиат Чжао. Только не вздумай прикидываться дурачком и вешаться мне на шею, я страшно беден и у меня ничего нет.

Чжао Шуюй: Чжао Шуюй, ученый-стипендиат Чжао?

При одной мысли об этом титуле рана на затылке отозвалась дергающей болью.

Он помнил, как вместо отца отправился на аукцион в поместье Ся Сяо, получив строжайший наказ непременно лично выкупить кусок древнего нефрита.

Нефрит удалось успешно заполучить, но в самый разгар торгов выставленный в качестве лота длинный бронзовый меч таинственным образом взорвался!

Семья Чжао принадлежала к современному клану боевых искусств и занимала в Хуаго изрядное положение, поэтому на аукционе в кругу мастеров они сидели на самых первых местах.

Чжао Шуюй досконально разбирался в искусстве владения мечом и смертельно заинтересовался тем бронзовым клинком. Он слишком увлеклся созерцанием, а взрыв прогремел так быстро, что, приложив все мыслимые усилия, он успел лишь вытолкнуть младшего брата из зоны поражения.

Из воспоминаний перед потерей сознания осталась лишь боль — предельная, невыносимая боль. При такой катастрофе он в лучшем случае остался бы калекой, а вовсе не очнулся в столь странном месте.

Чжао Шуюй протянул руку, подергал на себе ученьский халат и длинные пряди волос, окончательно убеждаясь в реальности происходящего.

Он попаданец.

Стоило Чжао Шуюю подумать о такой возможности, как в затылке полыхнула острая боль, и в мозг потоком хлынули чужие воспоминания, проносясь перед глазами, точно кадры кинохроники.

Сопровождаемый разрывающей сердце болью, он полностью принял воспоминания прежнего владельца тела.

Если обобщить, Чжао Шуюй душой переселился в тело обнищавшего древнего ученого с тем же именем и фамилией. Оригинальному владельцу было шестнадцать лет, и в восемь лет он сдал экзамен на ученика-стипендиата, чем немало прославился в уезде Пиньян.

Родители прежнего хозяина были простыми крестьянами из деревни Циншань, они добывали пропитание тяжелым трудом на земле. В такую пору, когда досыта наесться было за счастье, простому крестьянскому сыкуну и помышлять об учебе не приходилось, однако родители Чжао скрипели зубами, но оплачивали сыну образование, уповая на то, что тот сдаст императорские экзамены, возвысит род и прославит фамилию.

Чтобы заработать гроши, отец Чжао при каждом удобном случае нанимался в уезде на самую тяжелую работу, а мать днями и ночами вышивала на продажу, так что в юном возрасте уже испортила себе зрение.

Два года назад мать Чжао получила весть о смертельной болезни отца и вместе с мужем Чжао Чуанем поспешила домой, но по дороге они столкнулись с разбойниками и оба погибли.

Оставшись без опоры и защиты, прежний владелец тела покатился по наклонной. Он целыми днями ходил как в тумане, пока несколько товарищей по учебе не заманили его в азартные игры.

С тех пор остановиться он уже не мог.

У парня не было денег, и он возвращался домой, выметая и распродавая все подряд, пока не сбыл с рук каждую мало-мальски ценную вещь в доме.

В конце концов он задолжал игорному дому пятьдесят лянов серебра, а позавчера кредиторы прислали головорезов, которые жестоко избили его до полусмерти.

Денег на лекаря не было, и тогда он решил отправиться в задние горы, чтобы насобирать целебных трав и приложить к ранам, но, не пройдя и пары ли, рухнул на горе от потери крови.

Разобравшись с памятью хозяина тела, Чжао Шуюй испытал глубокое разочарование.

Он не попал в тело избалованного богатого наследника из особняка со слугами, не стал обладателем реальной власти венценосным принцем, а превратился в нищего, потерявшего родителей оборванного книгочея.

Судя по воспоминаниям, у прежнего хозяина остался младший брат, которого тот терпеть не мог. Родня по материнской линии сторонилась их, а дедушка с бабушкой давно умерли, так что они коротали век вдвоем, опираясь лишь друг на друга — совсем не то внушительное семейное древо клана Чжао из его прошлой жизни.

Переведя дыхание, Чжао Шуюй попытался подняться, но сил не хватило.

Заметив, как у Чжао Шуюя на лице отразилась внутренняя борьба и как он безуспешно пытается сесть, Чу Нин закусил губу, но все же присел на корточки, обхватил Чжао Шуюя за

талию и помог ему принять сидячее положение.

То ли Чу Нин заблуждался, но ему казалось, что нынешний Чжао Шуюй чуточку отличается от того, которого он знал раньше.

Словно это два совершенно разных человека.

Полуприслонившись к камню, Чжао Шуюй огляделся вокруг, указал на росшую неподалеку кровохлебку с кленовыми листьями и тихо попросил:

— Спасибо тебе. У меня на затылке не перестает кровоточить рана. Не мог бы ты выкопать с корнем те несколько желтых цветочков под деревом и принести мне?

Чу Нин с недоверием посмотрел на Чжао Шуюя, гадая, не вздумал ли этот тип снова над ним издеваться. Сердце у него ушло в пятки, но он все же поплелся собирать ту траву.

— Как этим лекарством пользоваться?

Чжао Шуюй тут же ответил:

— Растолочь и приложить мне к ране.

Чу Нин истолок целебную траву, прикинул размер — его носовой платок был слишком мал, чтобы завязать им большую голову Чжао Шуюя, покрутил головой в поисках выхода и решил оторвать подол от внутренней подкладки собственной одежды.

Однако силенок оказалось маловато, как он ни дергал, ткань не поддавалась, и юноша в растерянности не знал, что делать.

Видя, как худенький и тщедушный паренек, чьи руки от травяного сока окрасились в ярко-зеленый цвет, битый час безуспешно пытается разорвать ткань, которая оставалась целым и невредимым, Чжао Шуюй невольно усмехнулся.

— Т-ты... чему смеешься? — ошеломленно уставился на него Чу Нин. Чжао Шуюй мало того что улыбается, он точно рехнулся окончательно.

Чжао Шуюй расстегнул пояс и бросил его парню:

— Воспользуйся этим.

Чу Нин поймал пояс, и его обожгло так, будто он схватился за раскаленный уголь, а лицо

мгновенно залилось густой краской.

В голове Чу Нина пронеслись десятки тысяч почему: как он мог распустить пояс прямо при нем? Да еще кинуть его мне? Я что, держу в руках пояс постороннего мужчины? Если кто увидит, как оправдаться? Он что, вздумал ко мне приставать? Он точно сошел с ума.

Заметив, что парень густо покраснел и неподвижно замер, сжимая в руке пояс, Чжао Шуюй недоуменно спросил:

— В чем дело?

Чу Нин встретился взглядом с глубокими глазами Чжао Шуюя — с каких это пор его глаза стали такими красивыми? Да и манера говорить, и выражение лица, и тон — все совсем не так, как раньше.

— А? Я... я... ничего, я... я обрабатываю тебе рану.

Чу Нин заикался, в панике и суете прикладывая лекарство и завязывая узел.

Вспомнив, что этот человек невесть откуда взялся в горах, а его вечно свирепый нрав вдруг сменился на такую мягкость, Чу Нин почувствовал, как по спине пробежал холодок: не иначе, в него вселся какой-то бес?

— Я пойду в деревню, позову кого-нибудь, чтобы тебя отнесли домой, — выпалил Чу Нин и бросился наутек, даже забыв свою корзину, будто страшился, что нечистая сила сейчас им полакомится.

Глядя ему вслед, Чжао Шуюй хотел спросить, как его зовут, но парень убежал слишком быстро и шанса не дал.

Оглядевшись по сторонам, он оперся левой рукой о землю и обо что-то укололся.

Всмотревшись внимательнее, он обнаружил знакомый нефритовый кулон. Чжао Шуюй нахмурился в полнейшем недоумении: этот нефритовый талисман точь-в-точь походил на тот самый, что он выиграл на аукционе в прошлой жизни.

<http://bllate.org/book/22441/2357831>